

СОЧУВСТВИЕ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ НОРМА: РУССКОЕ VS ЯПОНСКОЕ

**Королева С.Б.,
Ладухина Н.Р.**

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова Н.А.
Нижний Новгород, Россия*

Аннотация

В статье представлены результаты контрастивного описания выражения сочувствия в русской и японской культурах как специфической нормы коммуникативного поведения. Авторы поставили цель осветить особенности обучения японских студентов русскому сочувствию. Новизна темы обусловлена малоизученностью данного вопроса. Актуальность статьи продиктована необходимостью обучения иностранных студентов коммуникативному поведению. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что при обучении представителей японской лингвокультуры русскому сочувствию следует затрагивать не только уровень коммуникативных норм, но и уровень базовых ценностей.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, сочувствие, русская лингвокультура, японская лингвокультура, базовые ценности.

Способность выразить понимание и сочувствие является неотъемлемой частью этикета в разных национальных культурах. При этом место, которое

сочувствие занимает в практике общения, а также формы проявления сочувствия могут значительно различаться. Истоки этих различий отчасти лежат в области религии. Сочувствие является одним из элементов концепции добродетели в христианстве: *«Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас»* (Послание к Ефессянам 4:32) [1]. Коран так же, как Библия, призывает нас быть милосердными, сострадательными, мудрыми. Каждое чтение священного писания мусульмане начинают со слов-обращений к Аллаху: «Ар–Рауф», что означает «Аллах сострадательный». В буддизме сострадание является незаменимой духовной практикой. Считается, что если сердце человека открыто к сочувствию и состраданию, то человек готов трудиться над тем, чтобы делать окружающих счастливее. В синтоизме также сочувствие является одной из главных добродетелей, наряду с уважением к старшим и поддержанием дружеских отношений со всеми [2].

В современной философии и речевом этикете умение выражать и воспринимать различные формы выражения сочувствия и сострадания рассматриваются как важнейшие элементы общения на любом языке [3]. В то же время, современная методика обучения иностранным языкам, признавая сущностную неразделимость языка и культуры, предполагает освоение обучающимися не только этикетных формул сочувствия, но и связанных с ними базовых представлений о мире и человеке – в том числе, базовых ценностей изучаемой культуры [4;5].

В связи со всем вышесказанным очевидно, что освоение форм выражения сочувствия, сопереживания (а также способов уместного реагирования на выражаемое сочувствие) при овладении русским языком как иностранным должно опираться на общие представления о: а) месте сочувствия в русской культуре; б) оценочном, эмоциональном, духовном аспектах этой коммуникативной нормы; в) ситуациях, в которых уместно и нужно выражать (и принимать) сочувствие людей. Отметим особо, что проблема обучения формам выражения сочувствия остро встает перед ученым-методистом в том случае, когда между двумя языками имеется значительная культурно-историческая дистанция. При обучении представителей японской лингвокультуры русскому языку как иностранному преподаватель сталкивается именно с таким глубинным расхождением идейно-ценностных систем культур.

В настоящей работе мы сделаем два первых шага в определении основных расхождений современных японской и русской лингвокультур в отношении сочувствия и сострадания и сосредоточимся на вопросах о:

а) соотношении места, которое сочувствие занимает в русской культуре, с местом, которое отведено этому чувству в японской культуре;

б) соотношении оценочного, эмоционального, духовного аспектов этой коммуникативной нормы в двух рассматриваемых культурах.

Для того, чтобы подступить к ответу на эти вопросы в отношении русской культуры, обратимся к значениям слова «сочувствие», зафиксированным в словарях. В Толковом словаре Ожегова читаем:

«Сочувствие – отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других // одобрительное, благожелательное отношение; сострадание – жалость, сочувствие, вызываемые чьим-нибудь несчастьем, горем» [6]. Слова *сочувствие* и *сострадание* являются калькой с греческого *sympathia* и обозначают способность человека показывать свое участие, разделять чувства другого в ситуациях, когда это может облегчить боль, принести утешение или умножить радость [7].

Представленные в этом словаре значения связаны, с одной стороны, с состраданием кому-либо в горе, несчастье, с другой же – с одобрением кого-либо, чего-либо. В русской культуре, однако, этими двумя значениями не исчерпывается семантический потенциал слова *сочувствие*, о чем свидетельствуют данные «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля. В нем приводятся, в частности, такие толкования как «чувствовать согласно, сообща, заодно»; «понимать, мыслить одинаково»; «склоняться к кому по чувству, приязни, любви»; «незримая, духовная, нравственная связь, которая сказывается невольно чувством» [8]. Последнее толкование из словаря Даля имеет очевидную соотнесенность с православным функционированием слова «сочувствие» и православным же представлением о сути этого качества человеческой души. Отметим, что именно через утверждение православной традиции в русской культуре состоялся перенос самого этого слова и понятия с греческой почвы на русскую. Не будет преувеличением утверждать изначальное преимущественное православное содержание понятия.

Специфика этого содержания представлена, в частности, в духовных письмах свт. Игнатия Брянчанинова и детально проанализирована в работе Н.С. Баланчик. Общим выводом произведенного исследователем анализа можно считать следующее утверждение: «Письма Святителя Игнатия (И. Брянчанинова) показывают, что выражение сочувствия охватывает не только реакции на повседневную жизнь человека, но главное в них – это реакции на духовную жизнь человека, напрямую связанную с судьбой, промыслом Божиим <...> Сочувствие в православном понимании – это и незримая духовная, нравственная связь, и поэтому в сочувствии и утешении нуждается не только адресат, но и адресант» [9].

Представление о тонкой духовной связи человека с человеком и человека с Богом, лежащее в основе православного понимания «сочувствия», в современной русской культуре, в целом, претворено в менее «высоком» представлении о душевной взаимосвязи людей – причем не только родственно или эмоционально близких, но и «далеких». Отсюда вырастает ценностная ориентация на личную приязнь и теплоту [10]; значимость в характеристике человеческих отношений доверия и душевной близости [5]; выделенность таких качеств человека как душевное тепло и сердечность [10]. С православными (а также общинными) корнями русской культуры отчасти связана и установка современного русского сознания на высокую степень кооперативного общения, что проявляется в желании одобрения и согласия [11]. Стремление к близости подразумевает потребность «излить другим свою

душу», открыть свой мир другому, желание поделиться с другими своими переживаниями, пожаловаться [12].

Таким образом, не являясь базовой ценностью, но имея глубокие православно-народные традиции и богатое идейно-ценностное содержание, сочувствие как одна из опорных коммуникативных норм современного русского языка связана, в первую очередь, с установкой на эмоциональную открытость и соучастие во внутренней жизни друг друга – с той оговоркой, что идейным основанием такого соучастия и такой открытости является представлением о том, что человек нуждается в душевной поддержке и что оказание такой поддержки есть и долг, и радость [13].

В японской культуре сочувствие является важнейшей коммуникативной нормой и одной из опорных констант, вербализованных в слове *思いやり* / *otoiyari*, что в переводе на русский язык означает «сочувствие». Содержание константы не совпадает с представлением о сочувствии в современной русской культуре: *思いやり* предполагает оказание помощи и сочувствия человеку до того, как он действительно начинает в них нуждаться [14]. С японского языка этот принцип дословно может быть переведен как *おもい* – «мысль» и *やり* – «делать/ давать», таким образом, принцип *思いやり* – «направлять свои мысли на других». Согласно константным для японской культуры представлениям, мы должны думать о других и исполнять пожелания другого до того, как тот их озвучит. Не всегда этот принцип предполагает какие-то действия. Бывают ситуации, когда *思いやり* направлен на то, чтобы ничего не делать и не говорить лишнего. В таких ситуациях этот принцип сопряжен с понятием *空気を読む* / *kuuki wo yomu* – «чтение воздуха», что предполагает способность чувствовать другого и понимать необходимость действия и/или бездействия в той или иной ситуации. Эти понятия ярко отражают характерную черту японского общества – коллективизм, заботу о других (без ущерба для себя).

Религиозными истоками этой константы является синтоизм, древнее вероисповедание, которое остается популярным среди представителей японской культуры и, следовательно, определяющим мировоззрение и мировосприятие японцев. Синтоизм призывает быть последовательным и гармоничными, жить в согласии с Природой, Ками (божествами) и людьми. Согласно синтоизму, в мире все согласовано и сосуществует в единстве; только выполняя свои функции на своем месте и не пересекая границ своей социальной роли, человек может способствовать установлению соответствующему природной гармонии порядку в обществе [5].

Исходя из этой общей социально-религиозной идеи, сочувствие в японской культуре призвано поддерживать мирное сосуществование, предсказуемость (установленный порядок вещей) и устойчивую социальную структуру. Оно не должно нарушать и/или затрагивать личностных и общественных границ: напротив сочувствие должно оберегать эти границы. Одним из инструментов, которым пользуются японцы, чтобы быть учтивыми и вежливыми по отношению к чувствам других людей, – улыбка. Ее главная функция не ранить и беречь

чувства другого человека, а, значит, поддерживать социальный порядок и гармонию. Японский этикет считает невежливым перелagать бремя собственных забот на собеседника или выказывать избыток радости, тогда как другой человек может быть в данный момент чем-нибудь расстроен [14].

Эмоционально-словесных форм выражения сочувствия в японской культуре немного: это связано с тем, что сочувствие должно выражаться с помощью поступков предвосхищения желаний и потребностей окружающих нас людей. Таким образом, и в формах проявления, и в своей опорной функции «японское сочувствие» принципиально отличается от коммуникативной нормы сочувствия в русской культуре: «русское сочувствие» принципиально эксплицитно в формах своего выражения (здесь и слова, и жесты, и мимика, выражающие эмоциональную поддержку, ободрение или утешение) и нацелено на внутреннее сближение людей путем совместного переживания (разделения) радости и преодоления горя.

Таким образом, с точки зрения значимости того места, которое сочувствие как коммуникативная норма занимает в русской и японской лингвокультурах, между «японским» и «русским» сочувствием обнаруживается несомненное сходство. Более того, в обеих культурах можно констатировать значительное влияние религии на функции и формы выражения сочувствия: христианство «подсказывает» необходимость эксплицитного, эмоционального проявления сочувствия, тогда как синтоизм определяет действие сочувствия строго в границах социального порядка и мировой гармонии. В то же время, по содержанию, функциям и формам проявления «сочувствие русское» и «сочувствие японское» принципиально различны. «Русское сочувствие» а) содержательно предполагает переживание эмоций другого человека и открытое проявление этого переживания – следовательно, б) функционально диктует взаимосогласованное нарушение личных и социальных границ во имя душевного (и духовного) единения и в) определяет эмоционально-поведенческую эксплицированность форм проявления сочувствия. «Японское сочувствие» а) содержательно определяется способностью молчаливо угадывать (заранее или по ситуации) желания и потребности другого человека в соответствии с социальной стратификацией и представлениями о мировом порядке и гармонии; б) функционально предполагает сохранение и оберегание социальных и личностных границ для гармонизации функционирования общества; в) в качестве основных форм выражения имеет молчаливо и спокойно (неэмоционально) совершаемые поступки, нацеленные на предупреждение желаний и потребностей другого, при этом эмоциональные, открытые формы выражения сопереживания находятся под запретом.

В перспективе этот общий лингвистический (лингвокультурологический) вывод о значимости расхождений в представлении двух лингвокультур о содержании, функции и формах сочувствия как базовой коммуникативной нормы требует от методистов, лингвистов, преподавателей русского языка как иностранного постановки и решения вопроса об особой методике обучения носителей японского языка русским коммуникативным нормам, в целом, и

коммуникативной норме сочувствия, в частности, включая освоение этикетных формул и невербальных форм проявления сочувствия (характерных для современной русской культуры), их функций и функционирования, а также изучение специфики содержания понятия «сочувствие» в русском языке.

Литература:

1. Как страдание отражено в религии //URL: <https://postnews.ru/a/19219> – 2022, (дата обращения 16.09.2023)
2. Синтоизм // URL: https://koi.tspu.ru/koi_books/mukhin2/_private/page10.htm, (дата обращения 18.09.2023)
3. Баранова Н.М. ЭТИКА// URL: https://studbooks.net/81022/etika_i_estetika/predislovie_etika (дата обращения: 25.09.2023).
4. Щукин А. Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы). – ВК, 2012.
5. Королева С. Б., Агинец Н. Р. Благодарность как базовая ценность японской культуры (аксиологический аспект обучения РКИ) // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – №. 16. – С. 129-131.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова онлайн //URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php>. – 2008, (дата обращения 16.09.2023)
7. Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет. – 1978.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Directmedia, 2013., т. 4, с. 285
9. Баланчик Н. С. Выражение сочувствия, сопереживания, утешения в письмах святителя игнатия (И. Брянчанинова) как отражение церковно-религиозной культуры XIX века // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №68-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-sochuvstviya-soperezhivaniya-utesheniya-v-pismah-svyatitelya-ignatiya-i-bryanchaninova-kak-otrazhenie-tserkovno> (дата обращения: 25.09.2023).
10. Нестерова Т. В. Непрямые способы выражения интенций «сочувствие» и «утешение» в обиходном общении русских //Русский язык за рубежом. – 2011. – №. 5. – С. 75-81.
11. Стернин И. А., Камбаралиева У. Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. – 2018. – №. 2 (16). – С. 20-34.
12. Казачкова Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект) //Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Саратов. – 2006.
13. Omoiyari: The Reason Why Japanese are Empathetic and Considerate [https:// www.tokhimo.com/post/omoiyari-the-reason-why-japanese-are-empathetic-and-considerate-1](https://www.tokhimo.com/post/omoiyari-the-reason-why-japanese-are-empathetic-and-considerate-1) – 2022, (дата обращения: 20.09.2023).
14. Макаренко И. Особенности национальной улыбки // URL: https://moya-planeta.ru/travel/view/osobennosti_nacionalnoj_ulybki_10942, (дата обращения 07.10.2023).

COMPASSION AS A COMMUNICATIVE NORM: RUSSIAN VS JAPANESE

Korolyova S.B.

*Nizhny Novgorod State Linguistic University named after Dobrolyubova N.A.
Nizhny Novgorod, Russia*

Abstract

The article presents the results of a contrastive description of the expression of sympathy in Russian and Japanese cultures as a specific norm of communicative behavior. The authors set a goal to highlight the features of teaching Japanese students Russian sympathy. The novelty of the topic is due to the lack of research on this issue. And the relevance of the article is dictated by the need to teach foreign students communicative behavior. In the course of the study, the authors come to the conclusion that when teaching representatives of Japanese linguistic culture Russian

Материалы XXII Международной научно-практической конференции
«Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития»

empathy, one should touch upon not only the level of communicative norms, but also the level of basic values.

Keywords: *communicative behavior, empathy, Russian linguistic culture, Japanese linguistic culture, basic values.*